

Крылатый, мохнатый да масляный (в обработке И. Карнауховой)

На лесной опушке, в тепленькой избушке, жили – были три братца: воробей крылатый, мышонок мохнатый, да блин масляный.

Воробей с поля прилетел, мышонок от кота удрал, блин со сковороды убежал. Жили они, поживали, друг друга не обижали. Каждый свою работу делал, другому помогал. Воробей еду приносил – с полей зёрен, из лесов грибов, с огорода бобов. Мышонок дрова рубил, а блин щи да кашу варил. Хорошо жили. Бывало, воробей с охоты воротится, ключевой водой умоется, сядет на лавку отдыхать. А мышь дрова таскает, на стол накрывает, ложки крашеные считает. А блин у печи – румян да пышен – щи варит, крупной солью солит, кашу пробует.

Сядут за стол – не нахвалятся. Воробей говорит:

– Эх, щи так щи, боярские щи, как хороши да жирны! А блин ему:

– А я, блин масляный, окунусь в горшок да вылезу – вот щи и жирные! А воробей кашу ест, похваливает:

– Ай, каша, ну и каша – горазд горяча!

А мышь ему:

– А я дров навезу, мелко нагрызу, в печь набросаю, хвостиком разметаю – хорошо в печи огонь горит – вот каша и горяча!

– Да и я, – говорит воробей, – не промах: соберу грибов, натащу бобов – вот вы и сыты!

Так они жили, друг друга хвалили, да и себя не обижали

Только раз призадумался воробей.

«Я, – думает, – целый день по лесу летаю, ножки бью, крылышки треплю, а они как работают? С утра блин на печи лежит – нежится, а только к вечеру за обед берётся. А мышь с утра дрова везёт да грызёт, а потом на печь заберётся, на бок повернётся, да и спит до обеда. А я с утра до ночи на охоте – на тяжёлой работе. Не бывать больше этому!»

Рассердился воробей – ножками затопал, крыльями захлопал и давай кричать:

– Завтра же работу поменяем!

Ну, ладно, хорошо. Блин да мышонок видят, что делать нечего, на том и порешили. На другой день утром блин пошёл на охоту, воробей – дрова рубить, а мышонок – обед варить.

Вот блин покатился в лес. Катится по дорожке и поёт: Прыг-скок,

Прыг-скок,
Я – масленый бок,
На сметане мешан,
На маслице жарен!
Прыг-скок,
Прыг-скок,
Я – масленый бок!
Бежал, бежал, а навстречу ему Лиса Патрикеевна.

– Ты куда, блинок, бежишь-спешишь?

– На охоту.

– А какую ты, блинок, песенку поешь?

Блин заскакал на месте, да и запел:

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я – масленый бок,

На сметане мешан,

На маслице жарен!

Прыг-скок,

Прыг-скок,

Я – масленый бок!

– Хорошо поёшь, – говорит Лиса Патрикеевна, а сама ближе подбирается. –

Так, говоришь, на сметане мешан? А блин ей:

– На сметане да с сахаром! А лиса ему:

– Прыг-скок, говоришь?

Да как прыгнет, да как фыркнет, да как ухватит за масленый бок – ам!

А блин кричит:

– Пусти меня, лиса, в дремучие леса, за грибами, за бобами – на охоту!

А лиса ему:

– Нет, я съем тебя, проглочу тебя, со сметаной, с маслом да с сахаром.

Блин бился, бился, еле от лисы вырвался – бок в зубах оставил, домой побежал! А дома-то что делается!

Стала мышка щи варить: чего ни положит, чего ни прибавит, а щи всё не жирны, не хороши, не маслены.

«Как, – думает, – блин щи варил? А, да он в горшок нырнёт да выплывет, и станут щи жирные!»

Взяла мышка, да и кинулась в горшок. Обварилась, ошпарилась, еле выскочила! Шубка повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Села на лавку да слезы льёт.

А воробей дрова возил: навозил, натаскал да давай клевать, на мелки щепки ломать. Клевал, клевал, клюв на сторону своротил. Сел на завалинку и слёзы льет.

Прибежал блин к дому, видит: сидит воробей на завалинке – клюв на сторону, слезами воробей заливается. Прибежал блин в избу – сидит мышь на лавке, шубка у неё повылезла, хвостик дрожмя дрожит. Как увидали, что у блина полбока съедено, ещё пуще заплакали.

Тут блин и говорит:

– Так всегда бывает, когда один на другого кивает, своё дело делать не хочет.

Тут воробей со стыда под лавку забился.

Ну, делать нечего, поплакали-погоревали, да и стали снова жить-поживать по- старому: воробей еду приносить, мышь дрова рубить, а блин щи да кашу варить.

Так они живут, пряники жуют, медком запивают, нас с вами вспоминают.